

На запад by chatain

Category: IT (2017), IT (Movies - Muschietti), IT - Stephen King

Genre: (and of course like weird internal conflicts or whatever because... it's me so), 1990s, Angst, Fluff, M/M, Post-Canon, Road Trips, Slow Burn, Underage Drinking, some v v small implied homophobia, v background stan/mike and ben/bev

Language: Русский

Characters: Eddie Kaspbrak, Richie Tozier, The Losers Club (IT)

Relationships: Eddie Kaspbrak & Richie Tozier, Eddie Kaspbrak/Richie Tozier

Status: In-Progress

Published: 2019-11-08

Updated: 2019-12-08

Packaged: 2019-12-16 18:35:24

Rating: Teen And Up Audiences

Warnings: Creator Chose Not To Use Archive Warnings

Chapters: 3

Words: 12,165

Publisher: archiveofourown.org

Summary:

В 1996 году Ричи и Эдди заканчивают школу, едут в Сан-Франциско, меняют свою жизнь. Также прилагается: плетение косичек, фальшивая свадьба в Лас-Вегасе, водопады, автодром и плюс-минус пять тысяч километров.

1. Портленд, штат Мэн

Author's Note:

- A translation of [go west](#) by [ssstrychnine](#).

[плейлист от автора](#)

от переводчика: традиционные необъятные благодарности кице Sharem., которая терпит все мои концептуальные формулировки, но всегда готова вклеить морального леща, когда концепт начинает побеждать смысл ♥☐

And it feels like I've got something to prove
But in some ways it's just something to do
My friends turn me around and say
You go west, young man
liz phair - go west

Они уезжают солнечным утром. Эдди сложил свои вещи еще четыре дня назад, но он до сих пор уверен, что однозначно что-то (все) забыл. Его комната выглядит пустой, на полу нет разбросанных вещей, в шкафу не висит его одежда, и в целом такое ощущение, что здесь никто никогда и не жил. Эдди знает, что не уезжает навсегда, но когда он смотрит, как сквозь окно светит солнце, не спотыкаясь ни о какие вещи, ему кажется, что он не вернется. Может, ему и не стоит возвращаться. Он осознает, что Дерри – не его город, осознает, что ему здесь все равно не нравится, но так или иначе, уезжать будет странно.

Эдди идет в конец коридора, останавливается у двери в комнату мамы. Дверь закрыта уже несколько дней. Эдди почти уверен, что она думает, он не уедет, если с ним не разговаривать. Он стучит в дверь и, не дождавшись ответа, стучит еще раз. Из комнаты слышится всхлип, настолько наигранный, что в Эдди снова просыпается злость.

— Я уезжаю, — говорит он через дверь. — Если ты не выйдешь, я... — она всхлипывает снова, максимально драматично, и Эдди проводит костяшками вниз по двери и в бессильной злобе пинает косяк. — Ладно, мам, я... Увидимся через пару месяцев.

Эдди разворачивается, спускается по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. У него такое чувство, будто он только что рывком отодрал пластырь.

Их провожает вся их компания, кроме, конечно, Бев, потому что к ней они и едут. Она ждет их на другом конце страны, в Сан-Франциско, с цветами в волосах. Все как-то растеряны, это видно по тому, как Бен шаркает подошвами по асфальту, как Стэн тербит манжеты рукавов, потому что это не то чтобы прощание, так, половина или даже четверть, или вообще не прощание. Бен приедет в конце лета. У Билла осенью начинается учеба, и он будет в Нью Йорке, но каким-то образом то, что они уезжают из Дерри, не ощущается как расставание, словно они будут вместе, даже если некоторые из них окажутся на другом конце страны. Стэн и Майк остаются, по крайней мере, на ближайшее будущее. Ферма Майка все равно находится на окраине, достаточно далеко, чтобы не ощущаться, как центр происходящего в Дерри. Достаточно далеко и безопасно.

— Ну что, готов рвануть? — спрашивает Ричи, появляясь из-за машины в полусогнутом виде. Он тянет за собой потасканный оранжевый чемодан, явный привет из семидесятых, с замками и потертой кожей, с выцветшими наклейками музыкальных групп. Возможно, когда-то с ним путешествовала его мама. И сейчас, судя по тому, с каким видом Ричи его тянет, он набит камнями.

— Готов вести аккуратно, — бормочет Эдди. — Готов соблюдать правила дорожного движения и не убиться через час после выезда из Дерри, потому что я не собираюсь пялиться на всякую херню вокруг, вместо того чтобы следить за дорогой.

Упаковка вещей продолжается. Они складывают оранжевый чемодан Ричи, рядом с ним — чемодан, который Эдди вынужден был стащить у мамы, пыльно-бирюзовый. По боку на нем криво вышиты желтые ромашки, и у Эдди щемит в сердце. Следом отправляются письма для Бев от всей компании, кассета,

которую записал Билл, книжка от Стэна с карандашной запиской на первой странице. Изотермическая сумка с лекарствами заталкивается под водительское сидение, на всякий случай. Обезболивающее, противопростудное, пластыри и новый ингалятор, потому что у Эдди такое иррациональное чувство, что как только они выедут за границы Дерри, в нем что-то сломается, и он снова станет тем ребенком, который вечно жил с одной ногой в гробу. Ричи никак это не комментирует, поправляет сползшие очки, осторожно изучает содержимое аптечки.

— В достаточной дозировке эта штука, — трясет он бутылкой с сиропом от кашля, — не хуже наркотика. Там же этот, декс... дексо-что-то.

— Декстрометорфан, — рывкает Эдди, отбирая у Ричи бутылку, и складывает ее в аптечку. — А от гвайфенезина можно потом и внутренности выхаркать, наверное. Какой кретин тебе это рассказал?

— Хм, это точно был ты, Эдс, — говорит Ричи с кривой улыбкой, придвигаясь ближе, чтоб дернуть Эдди за выбившуюся прядку волос. Эдди нечего возразить, и он только закатывает глаза, убирая сумку обратно под сидение.

На этом их сборы закончены, и они могут отправиться в путь. Эдди оборачивается, проводит рукой по серебристому изгибу зеркала со стороны водителя. Ему хочется поднять голову, заглянуть в окно маминой комнаты, но он уверен, что если посмотрит, то тут же потеряется, и его затянет обратно в дом, как будто его мама — это солнце, вокруг которого он будет крутиться всю жизнь. Ричи коротко касается его локтя, придвигается ближе, словно хочет что-то сказать, но, передумав, отходит. Он хватает Бена за руки, и они кружатся, смеясь. Эдди облизывает губы, шарит в кармане в поисках гигиенической помады, наносит ее, чувствуя вкус воска и меда.

Светит солнце, они все прощаются, и это все еще неловко, с пресловутым шарканьем и руками в волосах, — классическая картина смущенных подростков, несмотря на то, что они уже давно скорее семья, чем просто друзья. На удивление, Стэн не

выдерживает первым. Он почти что кидается на Ричи, сжимает его в объятиях, и Ричи сначала теряется, но быстро приходит в себя, обнимает Стэна в ответ и даже приподнимает и кружит, несмотря на разницу в росте. Они чуть не падают, и Стэн пинает Ричи по лодыжке, отцепляя от себя его руки, и отходит к Майку, который с широкой улыбкой притягивает его к себе.

— Что, Стэнни, жалеешь, что отдал нам все свои путеводители? — дразнится Ричи.

— Я жалею о каждом моменте, когда общаюсь с тобой, — говорит Стэн в плечо Майка и добавляет, обращаясь к Эдди: — Смотри, чтоб он не доставал байкеров и не попал в секту.

— Я ему не нянька, — огрызается Эдди.

— Эдс за мной присмотрит, — одновременно с ним обещает Ричи.

Наконец вместо неловкости они все улыбаются, и все заканчивается групповыми объятиями, как и много раз до этого. Как тогда, в темноте, под Дерри, когда они были мокрые, замерзшие и напуганные, но сплоченные любовью. Или как когда уезжала Бев, в шестнадцать, на краю школьной спортивной площадки, в мокрой траве, с запахом сигарет. И вот сейчас. Одна рука Эдди цепляется за ворот рубашки Майка, вторая — за застиранный хлопок футболки Ричи.

— С-скоро увидимся, — тихо произносит Билл, несильно хлопнув Ричи по груди.

— Заметить не успеешь, Большой Билл, — отвечает Ричи.

На этом они уезжают. На машине Эдди, серебристой красотке из четких прямых линий. С рисунком черепахи (рисовал Билл, черным лаком для ногтей Бев) на двери со стороны пассажирского кресла, где обычно сидит Ричи. Где он сидит и сейчас, высунувшись в окно, и с воплями машет их друзьям. Эдди бросает на них взгляд в зеркало. Бен стоит возле Стэна и машет Ричи в ответ, Билл с руками в карманах, выглядит гораздо старше своих восемнадцати. Он всегда был более зрелым из них,

но Эдди видел, как Билл смеялся до слез, видел, как он одним вечером напился и танцевал с Майком в карьере под Принца.

— Заметить не успеешь, — повторяет Ричи, устраиваясь в кресле.
— Эдс, у тебя такой вид, как будто мы на похороны едем.

— Неправда, — бормочет Эдди, не сводя глаз с дороги. Никто не умирает, не считая Дерри.

Они быстро проезжают окраину города, и на Эдди накатывает такое странное чувство, как будто его сейчас разорвет. Сколько он себя помнит, ни он, ни Ричи никогда не выезжали за пределы Дерри дольше, чем на один день. Не задумываясь, почему он это делает, Эдди не глядя протягивает руку, и Ричи, кажется, понимает, что ему нужно, и тут же протягивает в ответ свою, легонько сжимая ладонь. Они проезжают так знак на выезде, и у Эдди такое чувство, будто он вот-вот рассыпется на тысячу беспомощных кусочков, но он чувствует тепло руки Ричи в своей, и мир не рушится, никто не умирает, дорога не заходит в тупик и не заворачивает, направляя их обратно в город, а ровной лентой уходит вперед за горизонт. Эдди вздыхает, отпускает руку Ричи, потирает ладонью бедро.

— Не хочешь сбить знак? – спрашивает Ричи, оборачиваясь назад и высовываясь в окно.

— Неа, — качает головой Эдди. – Потом, когда будем все вместе.

Поначалу за окном не происходит ничего интересного, и в целом пейзажи такие же, как в Дерри. Разве что, чуть больше зелени, чуть больше водонапорных башен, чуть больше ветряных мельниц. Меньше ощущения, будто из-под куста в любой момент может выскочить инопланетный клоун, и Эдди хочется рассмотреть каждую мелочь, высунуться в окно и вдохнуть полной грудью. Ему всегда нравилось это ощущение за рулем, когда под колесами пролетают метры и километры, когда скорость превращает все вокруг в цветные полосы. Выглядит очень беспорядочно, но есть в этом какой-то смысл. Но даже так Эдди не поддается эмоциям и едет максимально аккуратно, проверяет слепые зоны, держит руль на десятке и двойке по принципу циферблата. Каждый год в ДТП погибает больше

миллиона людей, говорила ему мама, и большинство из них – в возрасте от пятнадцати до тридцати. Звучало достаточно правдоподобно.

Ричи тем временем полностью опускает стекло со своей стороны и вытягивает руку в окно, ловит воздух ладонью. Он записал в дорогу больше двадцати кассет, полную обувную коробку, которая стоит под пассажирским креслом, так же, как аптечка – под водительским. Каждая кассета предназначена для определенного отрезка их путешествия. «слушать от Чикаго до Сент-Луиса», «слушать после Гранд Каньона», «слушать, если потеряемся». Подборки не подчиняются никаким правилам и составлены просто по ощущениям Ричи, когда он смотрел на карту, но Ричи относится к ним с религиозным трепетом, и Эдди не вмешивается. Ричи разбирается в музыке, в ритме. Мэн для него в звуках гитары, в простых, но трогательных текстах. Песни, которые слушаешь после расставания, песни об одежде, которую утаскиваешь у партнера, песни о старших братьях и сестрах, которых у них нет. На запад, молодой человек. Ричи подпевает каждой песне. Его голос хриплый, и он не попадает в ритм, но это звучит так знакомо для Эдди, что уже давно кажется милым.

Они часто останавливаются, потому что Эдди считает, что так нужно. Потому что Ричи замечает какую-то ерунду на обочине, и ему жизненно необходимо все это исследовать. В конце концов, потому что это путешествие, и им стоит спокойнее ко всему относиться. Насколько это возможно. Настоящее путешествие. Никаких планов, помимо очевидной конечной цели. Только карты и дорожные знаки, и десятки просмотренных ужастиков, где подростки погибают на дороге. Так, на всякий случай. Все, что им нужно в первый день – это добраться до Портленда, так что они останавливаются возле сомнительной сувенирной лавки, где продаются ракушки с приклеенными глазами и прическами из синельной проволоки. Эдди приходится силком оттаскивать Ричи, пока он не скупил десяток ракушек.

Они избегают основных дорог, проезжают маленькие городки, покупают молочные коктейли и подпевают кассетам Ричи. На выезде из очередного города они останавливаются и едят, сидя на капоте.

— Итак, Эдс, вот ты вдали от дома, скучаешь по маме? — спрашивает Ричи, откидываясь спиной на лобовое стекло. — Я вот лично в печали от разлуки с такой красоткой.

— Заткнись Ричи, — беззлобно огрызается Эдди. — Она так ничего и не сказала, даже не вышла из комнаты.

— Потому что она ебанный демон.

— Нет, она просто...

— Ненавижу ее.

— Я знаю, — вздыхает Эдди. Он теребит пакет от сэндвича, аккуратно закрывает его. — Не думаю, что могу ее ненавидеть. Ну то есть... ты ненавидишь своих родителей?

— Конечно, иногда. Не уверен, что моя мама заметит, что меня нет.

— Ненавижу ее, — говорит Эдди, и Ричи смеется. Эдди ложится рядом, на прогретое солнцем стекло, и в голове у него вскакивает паническая мысль, что оно сейчас треснет под их весом, но умом он понимает, что машины строятся так, чтобы выдержать гораздо больше, чем двух идиотов, которые едят сэндвичи, опираясь на стекло. Эдди думает об их родителях, о том, какими вырастают дети, с которыми носятся как с писаной торбой, в сравнении с детьми, которым достается минимум внимания. Думает и о том, как все можно упростить. По этой логике можно сказать, что одержимость поисками Джорджи у Билла была вызвана только тем, как замкнулись в себе его родители. Или что сила духа Бев взяла свое начало от того, как ее отец с ней обращался.

Наконец они добираются до Портленда и впервые видят океан. Широкий и серо-голубой, немного беспокойный, несмотря на то, что светит солнце, и на небе ни облачка. Эдди вспоминает о лоскутном одеяле, которое всегда лежало на его постели и которое невозможно было разложить так, чтобы оно лежало ровно со всех сторон. Даже Стэн не смог, хотя его таланту заправлять постель позавидовали бы в любой больнице. Кроме

одеяла, океан напоминает Эдди о небе над Дерри перед грозой, с раскатами грома и треском молнии. К причалам привязаны крошечные яхты, и их силуэт напоминает позвоночник с ребрами. На темно-золотом песке рассыпаны следы тысяч пар ног.

— Пойдем на пляж, — говорит Ричи, и они идут на пляж.

Так и проходит весь день. Вокруг них песок, толпы людей, пирс на сваях сомнительной прочности, яркие светящиеся вывески, колесо обозрения. В одном из магазинов Ричи видит футболку с красной клешней омара и подписью *кОшМАРно классно*, и смеется над ней так долго, что Эдди покупает ее, только чтобы он заткнулся. Ричи тут же забегает в пляжную кабинку, чтобы переодеться, и эта дурацкая футболка ему удивительным образом идет, сочетается с рванными джинсами и потертыми ботинками. Слишком мило, думает Эдди. Не должно бы, но все же.

Людей действительно очень много, чтобы найти место и сесть, так что они просто разуваяются и гуляют по пляжу, загребая песок. Ричи собирает круглые камешки, подходит к воде и закидывает их в волны. По большей части камни далеко не улетают, но периодически попадают в гребень волны, поднимая пенный всплеск. Эдди подбирает ракушки в бело-розовую полоску и складывает в карман, чтобы потом подарить маме для украшения рамок с фотографиями.

На пирсе стоит игровой автомат-силомер, и Эдди получает какой-то заоблачный результат. Ричи кажется, что это один из лучших моментов в его жизни. Он закидывает руку на плечи Эдди, пытается сжать бицепсы, смеется, когда тот его отталкивает, изображает какие-то дикие танцы на досках, гладких от соленой воды. На лице Ричи отражается неоновый свет вывесок, и Эдди не в силах сопротивляться его дикому настрою. Они выигрывают друг другу дурацкие призы – крошечный розовый водный пистолет для Ричи и боа из перьев для Эдди, которое он тут же закидывает на плечи, и светло-зеленые перья развеваются с каждым шагом, некоторые отлетают и падают, как своеобразная дорожка из хлебных крошек.

Начинает темнеть, и они возвращаются к океану, садятся рядом на песок, вглядываются в воду. Освещение с набережной отражается в волнах цветными пятнами в черной толще воды. Эдди все еще удается разглядеть линию горизонта, там, где черный цвет воды переходит в иссиня-черный цвет неба. Они снова разуваются, и Эдди зарывается ногами в песок. Холодным песок ощущается совсем по-другому в сравнении с теплой золотой крошкой несколькими часами ранее. Он думает, было бы здорово положить голову на плечо Ричи. Это даже не было бы слишком странно. Вместо этого Эдди наклоняется вперед, обнимая колени, упирается в них лбом, закрывая лицо от соленого ветра.

— Можем тут и остаться на ночь, — говорит Ричи. — Прямо на пляже. Достанем спальные, все такое.

— Чтоб везде забился песок? — бормочет Эдди. — Если тебя так тянет на природу, можем поспать в машине.

— Принято, Эдди Спагетти, — соглашается Ричи, постукивая по его руке костяшками.

Прозвище далеко не новое и привычно раздражающее, обычно Эдди реагирует на него мгновенно, но сейчас он почему-то медлит.

— Не называй меня так, — наконец, тихо произносит он, ложится щекой на руки, чтобы Ричи не видел его улыбки.

Они садятся в машину и проезжают чуть дальше, в поисках места, где будет тише и спокойнее, опускают задние сидения, переставляют вещи вперед, раскладывают спальные мешки и подушки. Эдди остается при своем мнении, что в первую ночь поездки лучше было снять комнату в мотеле, но он хотя бы уверен в чистоте своей машины. По крайней мере, она не вызвала у Стэна такую же реакцию, как древний пикап Ричи.

Они лежат рядом, в разных спальных мешках, но все равно вместе. С опущенными сидениями машина напоминает Эдди про его темную пустую комнату, которую он оставил где-то позади, вместе с мамой. Возможно, она уже успела пересмотреть все

вещи, которые он оставил, надеясь утвердиться в поводах для своего беспокойства.

— Твоя машина слишком короткая, — ноет Ричи, переворачиваясь на бок, лицом к Эдди, и сворачивается в клубок.

— Моя машина совершенно нормального размера, — бормочет Эдди, закрывая глаза. — Спи уже.

— А тут... — задумчиво хмыкает Ричи, — тут будет тесновато, а, Эдс.

— Что? — Эдди открывает глаза, прищуривается в темноте. Он не может толком рассмотреть лицо Ричи, и ему хочется протянуть руку, коснуться, пальцами выяснить, что же у него за выражение. — Ты, блядь, о чем вообще?

— Я... — Ричи издает странный, задушенный смешок. — Я переживаю за запах, шарить?

— Только попробуй, я вызову копов.

Ричи заливается смехом, как будто в ночном воздухе что-то подмешано, и, естественно, дурной пример заразителен (все в Ричи заразительно), так что Эдди смеется вместе с ним, закрывая лицо руками. Он внезапно чувствует себя ребенком, как будто им снова по тринадцать, и они устраивают шуточную борьбу, или плещутся в карьере, или сражаются с древним злом. Они всегда были гремучей смесью, смесью из прикосновений, дурацких споров и еще более дурацких проявлений нежных чувств. Ричи подползает ближе, хотя он и так уже слишком близко, и Эдди чувствует, как у него словно что-то вспыхивает под ребрами, что-то, чего он хочет больше всего в жизни, и это что-то должно быть в Сан-Франциско, оно ждет, пока он доедет, чтобы забраться прямо в душу. Рука Ричи зарывается в его волосы, и Эдди забывает, как дышать. Ричи и так не особо хорошо видит, а в темноте он и вовсе слепой, как крот, поэтому Эдди просто замирает, пытаясь понять, какого хрена он делает. Рука наконец находит свою цель и треплет Эдди за щеку, потому что как иначе.

— Как же ты бесишь, — стонет Эдди, отпихивая Ричи подальше. Тот смеется и перекачивается на спине.

— Спокойной ночи, Эдс, — говорит он, — любовь всей моей жизни.

— Завали ебальник, Ричи, — отвечает Эдди.

Они оба наконец замолкают, и Эдди слушает, как выравнивается дыхание Ричи, когда тот засыпает. Даже с опущенными сидениями и открытым багажником его машина, если задуматься, ничем не похожа на его комнату. Точно не с Ричи под боком, который заполняет собой любое пустое пространство. Эдди думает, что им стоило позвонить кому-нибудь в Дерри, сообщить, что они добрались до Портленда. Им стоило позвонить Бев в Сан-Франциско, сказать, что они выехали. Ричи бы вырвал у него из рук трубку, чтобы восторженно орать о том, как он наконец увидел океан и поверг его силой мысли, или еще какую дичь, о которой они вечно болтают. В основном, правда, о музыке. О музыке и одежде, о том, что они думают про города, и как лучше всего путешествовать на машине. Эдди закусывает губу, шарит рядом с собой, там, где лежит стопка его сложенной одежды. Он находит боа, такое мягкое, что можно усомниться в его реальности, особенно в темноте, когда его не видно, и вспоминает: вот он выбирает именно этот приз, чтобы посмотреть, как Ричи будет его просить, но тот только кокетливо хлопает ресницами в сторону работника баскетбольного автомата. Вот работник лишь неопределенно кривит губы, но так ничего и не говорит, и от этого у Эдди внутри что-то сжимается. Он думает, может, стоит носить боа каждый день, ну или пока все перья не отлетят. А вот выигрывать для Ричи пистолет было ошибкой.

На следующий день им предстоит проехать через несколько штатов – Мэн, Нью-Гемпшир, Нью Йорк. А может они поедут в другую сторону, может, они даже до Олбани не доедут, может, они поедут в Бостон, хотя это и не входило в изначальный план. Ради пирогов и пончиков, и что там еще есть в Бостоне. Можно посмотреть в путеводителе, у них есть по одному на каждый штат, потому что Стэн ненормальный. Эдди будет его не хватать. Ему всех будет не хватать. Бена, который сходу может придумать

нецензурный стишок, что не мешает ему краснеть каждый раз. Майка, который всегда, без исключений, выигрывает у Ричи в каждой его любимой игре. Стэна, который, глядя на это, каждый раз радуется. Билла, с его молчаливой уверенностью и изобретательностью, с неиссякаемым запасом идей, чем им заняться, когда им скучно или они устали. Бев, которая теперь находится почти что в другой вселенной, но все равно часть их компании. Эдди сворачивается в клубок, устраивает ладонь под щеку. Будет легко, говорит он себе. Проехать весь мир? Ерунда.

2. Олбани и Ниагарский водопад, штат Нью-Йорк

Эдди быстро осознает, что на комфорт в их путешествии можно не рассчитывать. Они нигде не задерживаются, соответственно, не успевают ни к чему привыкнуть, ни к соленому воздуху Портленда, ни к квадратным окнам и плоским крышам Вустера в Массачусетсе. Они переезжают из штата в штат, песок превращается в стекло. Эдди каждый раз представляет, что границы существуют не только линиями на карте, но и окружают свою территорию невидимым куполом, и рано или поздно они в него врежутся. Рано или поздно им попадется такой, сквозь который они не смогут прорваться, и им придется вернуться в Дерри, ко всему, что было разрушено их отъездом.

Они меняются перед въездом в Нью-Йорк. Ричи ведет быстро, как будто за ним погоня, но в то же время не теряет осторожности. Он всегда осторожен, когда везет других людей, независимо от того, насколько безбашенно он ездит в одиночку. Эдди помнит его старый пикап, помнит, как Ричи вписывался колесами в бордюр каждый раз, когда заезжал за ним домой, но как ровно ехал, когда Эдди садился в машину. Сейчас та же история – Ричи четко соблюдает свою полосу, внимательно следит за дорогой сквозь стекла очков. Единственным последствием его вождения становится обгоревший локоть, который Ричи вечно высовывает в открытое окно. Это всего лишь полоска, на манер предупреждающего знака, но когда они добираются до Олбани и заселяются в мотель, Эдди сразу достает из аптечки гель с алоэ.

— Так трудно намазаться солнцезащитным кремом? – спрашивает Эдди, наблюдая за тем, как Ричи прищуривается, разглядывая пятно, и аккуратно наносит гель. – Теперь ты будешь облезать, и твоя мерзкая мертвая кожа будет по всему салону.

— Плохие новости, Эдс, в твоей машине и так полно моей мерзкой мертвой кожи. Может, пара ногтей найдется. И волосы еще. И не только с головы, понимаешь, о чем я? – Ричи закрывает тубик, проводит напоследок пальцем по пятну.

— Заткнись, Ричи, — беззлобно огрызается Эдди. – Вот поэтому

Стэн тебя и ненавидит.

Эдди проходит по комнате, инспектируя подоконники, внутреннюю сторону занавесок на предмет плесени, и если найдется хоть пятнышко, им придется переселиться, потому что, может, кто-то и хочет обзавестись пневмомикозом в путешествии, но точно не Эдди.

— Стэн меня любит, — фыркает Ричи, бросая Эдди тубик, и улыбается, когда тот с легкостью его ловит. — И ты тоже.

В мотеле они не задерживаются, потому что в Ричи просыпается исследователь, и у них все равно есть время. На часах нет и двенадцати дня, а на водопад они запланировали выехать следующим утром. Эдди был бы не против остаться в отеле, особенно раз там нет плесени, и проспать целый день, но Ричи очевидно вбил себе в голову, что в Олбани есть чем заняться.

— *Excelsior*, — драматично произносит он, когда они выезжают на дорогу, и указывает пальцем в небо.

— Мм? — заторможенно реагирует Эдди. Он пригрелся на солнце, опираясь на стекло, и теперь внимательно следит за тем, как пунктирная полоса на дороге сливается в сплошную под их колесами.

— Девиз Нью-Йорка, — объясняет Ричи. — Переводится как «выше и выше», что-то типа того.

— Выше и выше, — бормочет Эдди. Он успел сползти по сидению, и теперь выпрямляется, крутит плечами, опирается на спинку. Ремень безопасности врежется ему в шею, и Эдди его поправляет, проводит пальцами по теплой коже под нейлоновой полоской. Выше и выше, думает он. А они ведь только начали.

— С чего такой вид? Ты как будто разгадал все тайны вселенной.

— За дорогой смотри, — отмахивается Эдди, выуживая бутылку воды из-под ног. Усиленно отгоняет мысли о нагретом пластике и карциногенах, которые наверняка просочились в воду, и делает глоток. — С какого хера ты знаешь девиз Нью-Йорка? Как бы,

какая может быть разумная причина?

— Я запоминаю кучу всякой хуйни, чтоб ты меня об этом спрашивал, Эдс, — заявляет Ричи с кривой улыбкой. Возможно, это наглая ложь, но может и нет.

Они проезжают очередное здание, которое выглядит, будто его строили по сказочным книжкам, и Эдди решает, что Олбани ему нравится. Вокруг ровная кирпичная кладка с белыми швами, причудливо изогнутые железные фонари, брусчатка на тротуарах и куча тюльпанов. Ричи подпевает кассете, которая никак не ассоциируется с городом, *jet boy jet girl*, но Эдди кажется, что в этом есть своя прелесть. Песня про обозленного ЛГБТ-подростка, как фон к роскоши центральных районов Нью-Йорка. Очень в духе Ричи. Может, и в духе Эдди. Наверное, в духе их обоих.

— О боже! – внезапно вопит Ричи, и Эдди так дергается, что ударяется головой об окно.

— Какого хуя?

— Парк развлечений Гека Финна! – Ричи показывает на пеструю вывеску на другой стороне дороги, с мальчишкой в комбинезоне и шляпе, и светящейся красной стрелкой.

— Да ни за что, — качает головой Эдди. – Мы не пойдем в тематический парк развлечений по детской книжке, иначе это будет последним тематическим парком развлечений за всю поездку. Зайдешь сюда, и можешь попрощаться с Седар Поинт, Ричард.

Ричи пару секунд усиленно думает, закусив губу и постукивая по рулю. Музыка заполняет редкий момент его молчания.

— Во-первых, Седар Поинт – не тематический, а просто парк развлечений, — наконец произносит Ричи, и его задумчивый голос как-то даже напрягает, — из тематического там только сезонные аттракционы.

— О Гос...

— А во-вторых, нахуй все, я хочу в парк Гека Финна.

— Ричи...

— Реально, очень хочу посмотреть на тебя на детских карусельках, будет супермило.

— Мы туда не пойдем, это парк для детей.

— Эдди, — дуется Ричи, — Эдди, ну пожалуйста. – Он не глядя протягивает руку, не отрывая глаз от дороги, и легонько толкает Эдди в плечо. Он выглядит, как щенок, со своими летними веснушками и опущенными уголками губ, и торчащими во все стороны волосами, потому что ему обязательно нужно периодически высовывать голову в окно, как собаке. Ебучий кокер-спаниель.

— Какого хрена ты делаешь, что это за лицо, прекрати.

— Эдди, — ладонь Ричи, до сих пор опиравшаяся о его плечо, сжимается в кулак и тянет за рукав. Ричи смотрит на него в зеркало и дуется изо всех сил. – Эдди, малыш, пойдем поиграем.

— О Господи, — шипит Эдди, вырывая руку. – За дорогой смотри, идиота кусок. Ты что реально, на полном серьезе хочешь пойти в парк, названный в честь героя книги, которую, я знаю, ты даже не читал, и...

— Ну что ж делать, придется гореть в аду*, — перебивает Ричи с широченной улыбкой. – Но я бы лучше оказался...

— В ебаном парке развлечений Гека Финна? — хмурится Эдди.
— Ты знаешь правила, если это полная херня, ты теряешь право выбора до Канзаса.

— Договорились, Эдди Спагетти, — соглашается Ричи.

Парк развлечений Гека Финна по итогам не представляет собой ничего особенного – асфальт с заплатками, трава, растущая клочками, детские аттракционы с выцветшей краской, на таком расстоянии друг от друга, как будто они не часть одного парка, а россыпь островов в океане. Есть разные виды каруселей, одна из них – с красными самолетами, которые плавно летят по кругу то опускаясь, то поднимаясь. Позади виднеется река Гудзон,

переливаясь на солнце то синим, то бутылочно-коричневым оттенком.

Вход бесплатный, но Ричи покупает полоску розовых бумажных билетов на аттракционы. Он отрывает половину, берет Эдди за руку и аккуратно обматывает билеты вокруг его запястья, на манер браслета. У Ричи обкусанные ногти и холодные шершавые подушечки пальцев, и он ловко заправляет краешек билета, чтобы вся эта конструкция не слетела. Эдди решает сохранить один из билетов и сложить его потом в коробку, вместе с тем, что останется от зеленого боа, с тем, что он еще сохранит по дороге, прежде чем все закончится.

Они оба выглядят в парке совершенно ни к месту – два восемнадцатилетних подростка среди толпы детей с родителями. Ричи выглядит как пугало, в дурацкой джинсовой куртке с дырками на локтях, в высоких кедах, которые ему разноцветными мазками разрисовал Билл. На Эдди бежевый свитер, слишком большой и абсолютно неуместный в эту погоду, слишком короткие черные мешковатые шорты и тщательно зашнурованные мартенсы. Не самый провальнЫй выбор, но все равно достаточно странная комбинация стилей. И посреди детского парка развлечений, в самый разгар дня, с каруселями, аниматорами и сахарной ватой вокруг, они явно бросаются в глаза.

— Без детей мы здесь выглядим, как идиоты, — бормочет Эдди, пиная траву. Как для парка развлечений здесь как-то тускло, что ли. Вокруг сплошные выгоревшие цвета, скрип металла и скукающие дети с геймбоями. Ричи выглядит гораздо более воодушевленным, чем они все вместе взятые.

— Смотри, Эдс, какой крошечный самолет! Давай ты туда залезешь, будет супермило, — шепчет он, дергая Эдди за рукав. — Как думаешь, мы поместимся вдвоем?

— Ричи, ты размером с трех детей, — говорит Эдди. — Хочешь, чтоб нам запретили въезд в Олбани? Этот парк – в буквальном смысле все, что у них есть.

— Марта Квинн, — глубокомысленно произносит Ричи.

— Что?

— С МТВ, она вроде отсюда.

— Ладно, хорошо, в Олбани есть парк Гека Финна и ведущая с МТВ, я к тому, что...

— Эдс, смотри, автодром!

— Охуеть, — Эдди хватается Ричи за рукав и со смехом тащит его через парк.

Долгое время Эдди думал, что у него нет никаких талантов. У его друзей таланты были – Билл, со своим рисованием и даром убеждения, Бен и его писательство, золотые руки и города в мыслях. Майк всегда был сильным, но аккуратным, он мог взбить безе, легкое, как воздух, а потом с такой же легкостью перекинуть стог сена. Бев могла бы шить бальные платья, если бы хотела, но еще она могла залатать джинсы, заштопать носки, вышить цветы на воротниках Эдди, и точно так же она «сшивала» всех их вместе, легко и непринужденно. У Стэна были книжки, мягкие карандаши, веревки, птицы, вера и любовь, спрятанные под ровным голосом, каменным лицом и противоположностью энтузиазма. И Ричи. У Ричи была безбашенная уверенность и тысячи голосов, и сердца всех его друзей в руках, и он был с ними куда более осторожен, чем казалось. Он всегда был умным, как Стэн, добрым, как Бен, и таким же катастрофическим лузером, как и они все.

Эдди всегда считал, что, в сравнении с друзьями, он из себя ничего толком не представляет. Вынужденная беспомощность и умение ориентироваться в пространстве. Беспольный ингалятор, бесполезная голова и бесполезное сердце. Он так и сказал Ричи. Ему было пятнадцать, и ему было себя жалко, и Ричи мягко шлепнул его по руке, как будто он разбил вазу или перевернул стакан с водой, а потом отвез его на окраину города, отдал ключи от пикапа и сказал, чтобы Эдди делал, что хочет. Они поменялись местами, Эдди перелез на водительское кресло прямо через Ричи, который чуть не впился в процессор лицом в приборную панель. Эдди положил руки на руль, осторожно сжал твердый пластик, пытаясь его почувствовать, представляя

металлическую основу под слоем пластмассы. Он повернул ключ зажигания, и что-то под ним взревело. Он почти сразу вписался в фонарь, и Ричи смеялся так сильно и так долго, что потом перелез на заднее сидение, чтоб отдохнуть, и Эдди почувствовал себя... Лучше.

Он вспоминает об этом, забираясь в ярко-зеленую машину, и ему становится смешно, хотя они еще даже не поехали. Вот так сравнивать какой-то подростковый обряд посвящения с... Чем? С другим подростковым обрядом посвящения? Въехать в фонарь в Дерри, покататься на автодроме в Олбани, проехать на машине всю страну. Возможно, это все одно и то же. У него есть к этому талант, к машинам, теперь он в этом уверен. Свою он практически построил с нуля, к ужасу своей мамы. На автодроме этот талант только подтверждается. Эдди как минимум в миллион раз лучше Ричи, который застревает в углу уже спустя пару минут, и работник вынужден вытаскивать его машину обратно на площадку. Эдди смеется до слез, до боли в животе. В него чуть не врежется какой-то ребенок в радужных очках, а Ричи грозит ему кулаком с другого конца площадки.

Их довольно быстро выгоняют. Эдди врежется в Ричи с такой силой, что его машина целую минуту отказывается заводиться, и Ричи вылезает из нее и пытается пешком добраться до Эдди, размахивая руками и не стесняясь в выражениях. Дети на разноцветных машинах пытаются его объехать, работники бегут за ним с криками, и Эдди снова не может перестать смеяться, чтобы положить конец этому безобразию, так что Ричи просто забирается позади него.

— Отвези нас домой, Эдс, — говорит он, закидывая руки на плечи Эдди, и они вместе едут на выход.

Солнце снаружи кажется еще ярче. У них обоих на руках нарисованы большие красные крестики, им объясняют, это значит, что аттракционы с машинками и вообще чем угодно, чем можно управлять самостоятельно, теперь для них под запретом. Им все равно. Рука Ричи лежит на плечах Эдди, и Эдди больше не чувствует усталости, скорее наоборот – его переполняет энергия.

— Тут похоронен Ричард «Трепло» Тозиер, — объявляет Эдди, раскидывая руки в стороны, — побежденный трехкратным чемпионом мира, Эдди «Безумным Максом» Каспбраком.

— Эй, ты...

— И учитывая, что он надоедливый еблан, никто не будет скорбеть.

— Вау, — смеется Ричи, — вот так сразу.

Они катаются на всех детских аттракционах – на карусели и маленьком поезде, который наворачивает круги по периметру всего парка, и на лодках, которые едва поднимаются над землей, и это все очень глупо, но не скучно. Ричи комментирует все происходящее, придумывает истории про людей, которых они проезжают. Он убежден, что женщина, которую тянут за собой трое маленьких детей, на самом деле шпионка, потому что она отдаленно похожа на Фамке Янссен, и ее высокие джинсы с балетками – определенно прикрытие. Ричи вздергивает подбородок, кривит губы и переходит на паршивый грузинский акцент, с которым продолжает говорить весь круг лодочной карусели.

— Не испытывай меня, Эдвард, — низким хриплым голосом произносит Ричи, — посмотри на эти бедра, ими и убить можно.

— Я теперь Бонд?

— Ты теперь тот военный, которого она убила, — хмыкает Ричи, снова вглядываясь в толпу в поисках новой жертвы. Парень с зеленым ирокезом оказывается инопланетянином, посланным на Землю изучать человеческих детей. Близнецы – румынскими акробатами. Эдди чувствует себя ребенком, таким, каким редко позволяет себе быть последнее время, ведь когда тебе восемнадцать, ты заиклен на том, чтобы быть взрослым. Но быть ребенком здорово. Ему не всегда было просто чувствовать себя ребенком, даже когда он им был.

После аттракционов они идут за едой, берут хот-доги со всеми доступными добавками и сахарную вату, и садятся на

деревянную скамейку. Эдди болтает ногами, пинает траву. Он думает, интересно, чем сейчас заняты Стэн с Майком. Наверное, ужинают с бабушкой Майка на ферме, или, может, дома у родителей Стэна, с книгами и свечами. У них все очень мило, мама Стэна считает, что Майк – лучшее, что случилось с ее сыном, и она вполне себе права. Стэна всегда было сложнее всех заставить улыбнуться, но когда рядом Майк, он светится, как солнце. Билл наверняка в своем пустом доме, если и не формально, то по ощущениям. Его родители все так же ходят по дому, как привидения, а он проводит свободное время за выплескиванием своих мыслей в акварель, всегда на мягкой бумаге, чтоб цвета красиво сливались вместе. Бен обычно звонит Бев в это время, поздним днем, ранним вечером. Он наматывает провод телефон на палец, заставляет ее смеяться и краснеть, даже когда между ними тысячи километров. А Эдди и Ричи вот сидят болтают ногами на скамейке в детском тематическом парке, в другом штате, с запретом на аттракционы с машинками.

И вроде все прекрасно, пока в один момент все не рухнет. Эдди моргает, и когда открывает глаза, замечает клоуна. У него красные волосы, серебристый костюм, белый грим на лице, и у Эдди перехватывает дыхание. Он уже несколько лет не чувствовал такой паники. Эдди машинально тянется к поясной сумке, чтоб достать ингалятор, и когда понимает, что у него нет ни того, ни другого, вцепляется в руку Ричи, съезжает по ней до запястья. Ричи на автомате к нему разворачивается, тут же замечая клоуна, и замирает. В одной руке у клоуна связка красных шариков, и весь хороший день исчезает в липком грязно-сером страхе.

Они быстро уходят, не произнося ни слова, и Эдди не отпускает руку Ричи. Они садятся в машину, Эдди за рулем, в попытках найти утешение в знакомом ощущении руля в руках. В чем-то, что привычно его ладоням, в чем-то вроде запястья Ричи, в чем-то вроде пузырька таблеток со специальной крышкой, чтоб ребенок не смог открыть.

— Ну что, это однозначно было хреново, — говорит Эдди, когда они на полпути к безопасности. Безопасности? Не имеет никакого смысла думать об этом, но ощущения никуда не

денешь. На соседнем сидении нога Ричи отбивает какой-то ритм, который слышит только он сам.

— Бранье, — говорит он. – Тебе понравилось.

— Завтра ты за рулем.

— Договорились, Эдди Спагетти.

Следующим пунктом их программы, конечно же, является Ниагарский водопад. У них нет желания объехать все самые туристические места по их маршруту, пусть они уже и были в Олд-Орчард-Бич и, наверное, самом старом парке развлечений Америки, но водопад пропустить невозможно. Даже если им придется смотреть на него не с той стороны. Они выезжают засветло, зевая в лучах восходящего солнца. Ричи ни разу не жаворонок, но он без возражений садится за руль. В машине нет подставки для стаканчиков, поэтому Эдди передает Ричи стакан кофе, когда он просит, и держит его в руках, когда тот ему не нужен, и греет ладони о картонные бока.

Они правильно рассчитывают время и добираются до водопада к полудню. Видеть его вживую – очень странное ощущение. Гигантская масса воды, спадающая прямо в Гудзон, белая водяная пыль вокруг. Что еще более странно – насколько близко находится город, потому что всегда кажется, будто водопад – это что-то посреди леса или джунглей. Куда нужно добираться несколько дней по бездорожью, максимум по тропинке шириной на одного человека. Обязательно с сеткой от насекомых и в ботинках с металлическими носками. Эдди кажется, что что-то в мире пошло не так, если они оказались здесь, в такой близости к чему-то насколько дикому.

Они берут билеты на пароход, с толпой людей, замотанных в прозрачные синие дождевики. Каждая капля воды светится солнцем и радугой, небо наверху синее, без единого облачка, и водопад ревет так громко, что трудно дышать. Эдди прикрывает глаза рукой, запрокидывает голову, чувствует капли воды на коже. Однажды летом они построили плот под чутким руководством Бена, и затащили его в карьер. Трое могли сидеть на плоту, остальные четверо плавали или просто держались за

пластиковые бочки, которые держали плот на плаву. Они забросили подобие якоря в самое глубокое место карьера и провели так целый день, ныряя, плавая и загорая на прогретом солнцем дереве. Эдди помнит, как он ел апельсин, как закрученные кусочки шкурки уносило водой, как пахли цитрусом его пальцы. Эдди думает, что Гудзон прожевал бы и выплюнул плот Бена, но в то же время он уверен, что сейчас Бен смог бы построить что-то еще лучше. Что-то крепкое, прочное, водонепроницаемое.

Эдди наблюдает за каплями воды, пытается проследить путь каждой капли сверху и до самого низа, и каким-то образом его мысли переходят к коллектору, к тому, какая разница между водой, которая падает на металл и бетон, и которая падает на камни и землю. Есть же разница между подстриженной лужайкой и высушенной под солнцем травой в Пустоши. Разница в том, что некоторые вещи существуют без вмешательства человека. Вещи, которые кажутся невозможными, но в то же время неизбежными. От этих размышлений у Эдди встает комок в горле, и кажется, будто сердце выскочит из груди. Эдди поднимает руку и чувствует его стук под пальцами, и он думает, что если надавить сильнее, то грудная кость сломается.

В этот момент Ричи тянет его за руку, и тоскливые мысли уходят, и Эдди наконец ощущает реальность происходящего – он на Ниагарском водопаде, рядом Ричи пытается отмахиваться от мороси, чтоб вода не попадала на очки, как будто это так работает. Он вздергивает подбородок, смотрит на Эдди из-под нижнего края оправы, и Эдди смеется, в шутку толкает его плечом и снова забывает про водопады, потому что Ричи прямо перед ним, его человек-беспорядок. Ричи окончательно сдается, стаскивает свой синий дождевик и раскрывает руки навстречу воде. Он промокает насквозь за доли секунды, футболка прилипает к телу, волосы спадают на очки. Ричи завязывает дождевик на поясе, поскальзывается, чуть не падает, но победно улыбается Эдди, когда выпрямляется. Эдди не сдерживает смеха, и какая-то часть него хочет тоже стащить дождевик, но есть и другая часть, которая не доверяет речной воде и определенно не желает заболеть в первую же неделю путешествия.

Ричи кидается к нему, в процессе снова подскользываясь, и закидывает руки ему на шею, от чего они оба чуть не падают.

— Эдди, малыш, — Ричи пытается перекрычать воду, — я, блядь, ненавижу этот водопад!

— Отвали, — смеется Эдди, отпихивая его от себя, — ты от него без ума.

— Я без ума от... — Ричи не заканчивает, трясет головой, как собака, и как-то непонятно отрывисто смеется, но звук тонет в шуме воды, и Эдди не успевает его расслышать. — Пойдем за мороженым, — выкрикивает Ричи и бросается на другой конец палубы.

Они берут мороженое и не дожидаются, пока дойдут обратно, чтобы начать есть. Эдди берет клубничное, Ричи — шоколадное, потому что Эдди всегда берет клубничное, а Ричи — шоколадное. Вернувшись на берег, они заходят в сувенирную лавку, и Эдди покупает Ричи еще одну футболку, не менее дурацкую, чем с омаром, — в пастельно-фиолетовые и розовые сердечки, с нарисованным водопадом и надписью «Мы нашли пару на Ниагаре». Ричи в восторге от косых взглядов в свою сторону, когда надевает ее. Вода стекает по его волосам на шею, впитывается в ворот. Эдди, в общем-то, тоже в восторге.

В мотеле Ричи садится на край своей кровати, откидывается на спину, и его футболка задирается, открывая торчащие тазовые косточки и пупок. Его волосы высыхают в какое-то невероятное гнездо, и у Эдди аж пальцы чешутся, и он хмурится, сидя на своей кровати. Оперевшись о изголовье, он листает путеводитель для следующего отрезка их путешествия, просматривает отмеченные клейкими бумажками страницы. Вдоль озера, от Буффало до Эри и Кливленда. Впереди их ждет Чикаго, настоящий мегаполис. Ричи что-то тихо напевает, и взгляд Эдди постоянно возвращается к нему, к волнистым прядкам челки, секущимся кончикам, которые давно стоило бы подстричь. Ричи пытается вытащить волос, который застрял между глазом и стеклом очков, но, как бы он ни морщил нос от усердия, попытки остаются безуспешными.

— Давай заплету тебе что-нибудь, — говорит Эдди, откладывая книгу в сторону, потому что концентрация у него ни к черту. Потому что его бесят волосы Ричи, руки Ричи, и сам Ричи его тоже бесит.

— Давай что? — с подозрением переспрашивает тот, запрокидывая голову, чтоб видеть Эдди, и высовывает язык. Сверху вниз он выглядит как золотая рыбка.

— Иди сюда, — нетерпеливо зовет Эдди, жестом указывая Ричи на место прямо перед ним. Ричи хмурится, морщит нос, но делает, как ему говорят — забирается на кровать и садится у Эдди между ног. Его волосы на самом деле длиннее, чем кажутся, из-за волнистой текстуры, и черный цвет отливает каким-то теплым оттенком, вроде бутылочного стекла. На что-то особенное, правда, длины все равно не хватает, но Эдди в состоянии изобразить какой-нибудь беспорядочный веночек. Почти что нимб. Святой Ричи. Эдди улыбается сам себе, неловко прочесывает прядки пальцами, начинает плести.

Немного странно, или нет, очень странно, насколько послушно и тихо Ричи сидит со скрещенными ногами, пока Эдди отделяет прядки, переплетает их между собой. Веночек не получается особенно аккуратным, главным образом из-за самих волос, которые отказываются ложиться ровно. Эдди напевает себе под нос в процессе, Ричи постукивает пальцами по ногам, то ли в такт какой-то песне, то ли код Морзе, то ли просто так.

— Откуда ты вообще знаешь, как это делается? — спрашивает он, нарушая молчание. Его голос звучит низко, с какой-то ленцой, и он накрывает Эдди, словно волна, забирается под кожу, щекочет кончики пальцев.

— В детстве мне приходилось заплетать маме волосы, — вздыхает Эдди. — У меня неплохо получается.

Ричи не отвечает сразу, как будто обдумывает слова.

— Это лучшее, что она для тебя сделала, — говорит он спустя какое-то время, подаваясь навстречу рукам Эдди, и тот смеется.

Эдди быстро заканчивает, потому что начинает чувствовать себя слишком странно. Или потому что начинает чувствовать себя слишком комфортно. Он закручивает последнюю прядку, заправляет ее в косичку. У него нет при себе заколки, но сойдет и так. Эдди складывает руки на коленях, отползает назад, создавая какую-то дистанцию между ними.

— Готово, — говорит он тихо.

Ричи вскакивает с кровати.

— Я прелесть? – спрашивает он, снимая очки, чтоб в полной мере похлопать ресницами. Застрявшая волосина, видимо, оказалось где-то в косичке, потому что Ричи больше не пытается ее достать.

— А как же, — говорит Эдди, хотя на самом деле венки выглядят как гнездо. Он сползает по кровати, ложится на спину, закрывает глаза. – Ложись спать.

— Как оно будет выглядеть утром, если я так усну?

— Не хуже, чем обычно.

— Можно лечь с тобой?

— Нет, — Эдди забирается под одеяло и укрывается с головой. Он слушает, как Ричи ходит по комнате, раздевается, натягивает застиранную футболку, которую он носит вместе с боксерами, как пижаму. На следующий день надо бы найти прачечную. Запастись монетками и провести время в мягком запахе чистого белья.

Дерри почти в тысяче километров позади, и Эдди чувствует каждый сантиметр под кожей, как татуировку. Изгиб дороги, солнце, боа из перьев, розовый обрывок билета. Он понятия не имеет, что случится, когда они доедут до Сан-Франциско. У всех остальных уже есть планы. У Бев – дизайн, у Бена – архитектура, у Билла – рисование. У Стэна – в перспективе садоводческий магазин, у Майка – почти реальная пекарня. Ни Эдди, ни Ричи понятия не имеют, что они делают. Может, они будут в восторге

от Сан-Франциско. Может, им не понравится. Эдди на девяносто процентов уверен, что там все и закончится, и он вернется в Дерри, к маминым ногам, будет заплетать ее седеющие волосы, а Ричи... Ричи останется в Калифорнии. Эдди знает это так же, как знает, насколько невыносимо больно будет его потерять. Что ж. До этого момента еще больше трех тысяч километров. Почти достаточно расстояния, чтобы подготовиться.

На следующий день их ожидает новый штат, новый невидимый купол на границе. Эдди будет за рулем, Ричи будет подпевать своим кассетам, находить самые дурацкие дорожные знаки, касаться затылка Эдди. Они остановятся где-то у воды, и Эдди будет восхищенно смотреть на ровную гладь прозрачной воды, противоположность бушующему водопаду, а Ричи скажет, что это одно и то же, одна и та же вода, только в другой форме. Они будут спорить, где остановиться поесть и где остановиться на ночь, позвонят, наконец, Бев, впихнувшись вдвоем в узкую будку, перекрикивая друг друга, сообщая, что сегодня они на восемьдесят семь километров ближе к ней, или, может, сто шестнадцать, или двести девятнадцать. Будет тесно и неудобно, но Эдди не привыкать. Это необходимость. Такая же необходимость, как вода и воздух. Или, возможно, он просто разводит драму на пустом месте.

Ричи останется в Сан-Франциско, и Эдди найдет в себе храбрость, закусит губу, упрется рогом и останется тоже. Он не думает, что стоит на это рассчитывать, но может быть он всех удивит, даже Ричи, хотя тот сделает вид, что он так и знал с самого начала. Это все неважно. Впереди еще чуть больше трех тысяч километров. Почти достаточно времени и расстояния, чтобы подготовиться.

Notes for the Chapter:

Песня, которую Ричи и Эдди слушают в Олбани — Elton Motello – Jet Boy Jet Girl.

"Ну что ж делать, придется гореть в аду", — цитата из "Приключений Гекльберри Финна".

Футболка выглядит как-то [так](#).

От переводчика: я осведомлена об официальном

книжном переводе прозвища Ричи, но у меня рука не поднимается писать это мракобесие в 2к19.

3. Сирс-тауэр и Чикагский институт искусств, Чикаго, штат Иллинойс

Summary for the Chapter:

триггер-ворнинг от автора: в главе поднимается вопрос СПИДА, в частности, как причина смерти некоторых художников.

В первый вечер в Чикаго Эдди звонит маме. На улице начинает темнеть, и он стоит в тесной телефонной будке, изнутри практически полностью разрисованной всякими смайликами, цветочками и спиральками. Не все рисунки, конечно, такие радужные, есть и надписи, как в Дерри, на Мосте Поцелуев. От таких надписей Эдди хочется впиться ногтями в ладони и бежать или нырнуть в воду с головой, и там и остаться. Вместо этого он закрывает глаза, аккуратно сжимает трубку в руке, проверяя, что касается только салфетки, обернутой вокруг. Эдди слушает гудки, дергает за шлевки джинсов.

Никто не отвечает. Гудки сбрасываются, и Эдди давится жалобным «мам», которое грозитя вырваться наружу, когда он слышит автоответчик. Мамин голос надиктовывает их номер вместо имени, потому что миссис Купер, из дома через дорогу, однажды рассказала ей, как за людьми следят из-за пропущенных звонков и автоответчиков с информацией. Ну конечно, она не отвечает. Эдди раздраженно вешает трубку, пинает угол будки, не рассчитывает баланс и чуть не падает. В последнюю секунду его спасает мысль о том, насколько вокруг грязно, и он выпрямляется, плечом открывает дверь и выходит на улицу.

Ричи, кажется, понимает настроение Эдди, и ничего не говорит. Он ждет его в мотеле с бургерами и картошкой, и это все, что сейчас Эдди нужно. Это та еда, которую всегда ненавидела его мама. У нее вообще всегда были странные принципы относительно питания, она спокойно покупала разные сладости, маршмеллоу и мармелад, но ее воротило от одной мысли купить готовую еду на вынос. Ее зоной комфорта было массовое

производство, и они жили на замороженных полуфабрикатах.

Так что Эдди ест свой бургер и картошку, и представляет, что это все часть протеста. Значительнее, чем уехать из Дерри. Значительнее, чем оставить маму. Значительнее, чем осуществить это все с Ричи Тозиером, которого она ненавидит больше, чем остальных его друзей, не считая, наверное, Беверли. Не то чтобы это было причиной уехать с Ричи. Они просто всегда будут вместе, одним целым. Эдди и Ричи с кетчупом в уголках губ, с солью на кончиках пальцев, на односпальных кроватях в дермовом мотеле. Эдди бы ни на что это не променял.

– Какая же ты свинья, – несмотря на это, говорит он, сворачивая грязную бумагу и убирая крошки и остатки еды.

– Ты тоже, Эдс, – сообщает Ричи, хлопая ресницами, скатывая бумагу в шарик, и целится в мусорную корзину на другом конце комнаты. Он эпично промазывает, бумага отскакивает от стены и падает рядом с телевизором, и Ричи драматично стонет, откидывается на кровать, закрывает лицо руками.

– НБА по тебе плачет, – улыбается Эдди и бросает свой бумажный шарик, тоже промазывая. Ричи издает победный вопль, и они оба смеются.

Утром они идут гулять по городу. Чикаго весь состоит из прямых линий, и это самый большой город, который они оба видели в своей жизни. Он кажется нереальным, будто они в кино, и они целый день проводят с запрокинутой головой, рассматривая ряды окон, бетон со стеклом, а за ними – небо, так высоко, что Эдди почти готов поверить, что там начинается другой мир. Они добираются до Сирс-тауэр, заходят в лифт, который довезет их на обзорную площадку, и Ричи задерживает дыхание, надувая щеки, а Эдди жмурится, представляет, как все его внутренности падают куда-то вниз, а потом они оказываются в том самом другом мире, и это почти слишком. Слишком много всего вокруг, чтобы охватить взглядом. Ричи носится по площадке, прижимается руками к стеклу, тычет пальцем во все, что кажется ему знакомым, и его дыхание оседает на стекле вместе со смазанными отпечатками пальцев. Эдди моргает, пока перед глазами не начинает расплываться, рассматривает облака,

которые с высоты выглядят совсем иначе – более плотными, скорее как салфетки, чем как вата. Он постукивает ногтем по стеклу, наклоняет голову, пытаясь рассмотреть толщину, понять, что разделяет его и мир снаружи. Эдди представляет, как стекло испаряется под его руками, как он на секунду зависает на месте, словно в невесомости, прежде чем упасть.

– Эй, – зовет Ричи, вырастая у него из-за плеча, и Эдди от неожиданности думает, что действительно падает.

– Какого ху...

– Эй, – повторяет Ричи, закидывая руку ему на плечо и опирается на него, поднимаясь на носочки. – Выбери какое-нибудь место, попробуем найти его, когда спустимся.

– Зачем? – бормочет Эдди, но не отстраняется.

– Просто, – смеется Ричи. Эдди чувствует тяжесть его руки на своем плече. Стоя на носочках, Ричи мог бы опереться подбородком о его макушку, но он этого не делает.

– Вот, – выбирает Эдди. Он тычет в стекло указательным пальцем, закрывая им свой выбор – здание со шпилем, словно покрытым ржавчиной. Стекло под его пальцем теплое, и день теплый, и Ричи рядом с ним – тоже.

Перед тем, как спуститься, они звонят Бену, наверное, с самой высоко расположенной телефонной будки в мире, прижавшись головами у трубки, чтобы все слышать. Эдди внезапно думает, что их волосы разного цвета, и вот так, рядом, над черной блестящей трубкой, между ними четко заметна разница, пусть и всего в несколько оттенков. Он думает о своих руках в волосах Ричи. Вспоминает, какими мокрыми его волосы были у водопада. Бен, наконец, отвечает, и все эти мысли исчезают.

Голос Бена звучит задумчиво, но он очевидно рад их слышать. Ричи настаивает, что Бен обязательно построит башню еще выше, когда станет знаменитым архитектором, на что Бен говорит, что в Малайзии и так уже есть башни-близнецы, которые технически выше, и что Сирс-тауэр считается самой

высокой только за счет телевизионной антенны, которые, по мнению Бена, вообще не должны считаться частью архитектуры.

– Да ну нахуй, – радостно говорит Ричи, – откуда еще мы бы звонили, если б не с самого высокого здания в мире? Думаешь, мы могли бы тебя так оскорбить?

– Да, – говорит Бен, и Эдди слышит улыбку в его голосе, светлую, как солнечное рассветное утро. Хотел бы он ее сейчас увидеть. – Вы, наверное, вообще не на башне.

– Я, конечно, извиняюсь, но мы вообще-то пешком прошли пятьсот пролетов!

– Ричи стошнило, это было отвратительно, – говорит Эдди, сдерживая смех, когда Ричи пихает его локтем в бок, в процессе роняя телефон. Когда он его поднимает, они слышат, как смеется Бен, в сотнях километров, в Дерри.

– Постройшь нам башню, чтоб плевать с нее, ладно? – просит Ричи, когда наконец берет себя в руки. Эдди вцепляется в его руку, чтоб он не отодвигался, и было слышно.

– Первый пункт в списке моих приоритетов, – бормочет Бен. – Как в старые добрые времена, только победителем будет не просто тот, кто первым доплывет до человека, а тот, на кого первым пожалуются на ресепшене.

– Эдди вечно жульничает, – говорит Ричи.

– Ебанный Ричи вечно жульничает, – одновременно с ним говорит Эдди.

– Вы там как, уже ненавидите друг друга? – смеется Бен.

– Да, – говорит Эдди.

– Нет, у нас любовь, – одновременно с ним говорит Ричи.

– Ага, – одновременно задумчиво, но с оттенком смеха в голосе произносит Бен, – так я и думал.

Прежде чем выйти на улицу, они покупают на первом этаже открытку с изображением ночного неба над городом. Ричи подписывает ее прямо на ходу, криво втискивая текст и полностью игнорируя напечатанные строчки, подчиняясь порядкам, известным ему одному. Это напоминает Эдди о его кассетах, о том, как он вечно втискивал цитаты из песен и свои комментарии в любое свободное место на обложке. У него на руках всегда оставались пятна от чернил – по краю ладони, сбоку, под большим пальцем, и сейчас их тоже видно, синие пятна от ручки, яркие в центре, размазанные по сторонам. Ричи, наверное, и пахнет, как чернила. Эдди морщит нос и отходит на шаг дальше.

Следующий день посвящен искусству. Здание института искусств построено из сероватого камня, с изогнутыми арками, широкими ступенями и зелеными деревьями с каждой стороны. Флаги и цветы. Эдди знает, что за институтом – озеро Мичиган, и ему кажется, что он каким-то образом чувствует воду, будто что-то такое висит в воздухе, ветер над волнами, хотя погода очень спокойная, и на улице сухо и жарко.

На лестнице возле входа Ричи тянется погладить одну из статуй льва, которые сторожат обе стороны, проводит рукой по его лапе.

– Давай, залезай на плечи, – говорит он с улыбкой, пихая Эдди, и присаживается. – Сфоткаю тебя на льве.

– Хочешь, чтоб нас отсюда выгнали еще до того, как вы зайдем?

– С твоим ростом ты наверное и не залезешь, – говорит Ричи.

Эдди смотрит на него, как он все еще стоит впрыска, все еще улыбается, потом смотрит вверх на льва, и он на все сто процентов осознает, что его провоцируют, осознает, что в общем-то проигрывает уже тем, что соглашается, но все равно. Все равно. Ну нахуй.

– Смотри сюда, говнюк, – бормочет он, – мне не нужна твоя помощь.

На постамент залезть довольно просто. За статуей поднимаются

ступеньки ко входу, и если забраться на перила, то оттуда можно перебраться на прохладную поверхность статуи. Эдди вцепляется в волосы Ричи в процессе, чтоб сохранить равновесие, и Ричи смеется, берет его за руку вместо этого, подводит так к самой статуе. Он держит некрепко, кончиками пальцев касаясь пульса на запястье. После этого остается только подтянуться и перекинуть ногу, и вот Эдди уже сидит верхом на двух тоннах серо-зеленого бронзового льва. У статуи распахнута пасть, и у Эдди возникает внезапное желание нагнуться и попробовать достать ладонью до острого кончика зуба, но с другой стороны он думает, что умереть, свалившись со статуи льва больше в стиле Ричи, так что он остается сидеть, прижав ладони к гладкому металлу на загравке.

– Сосни, Трепло, – говорит он с широкой улыбкой, пока Ричи перекидывает рюкзак вперед, чтоб найти камеру, полароидного монстра, которого одолжил им Билл, абсолютно неубиваемого, какой и должна быть любая техника, которой суждено провести хоть секунду в руках Ричи Тозиера.

– Улыбочку, Эдс, – говорит он, поднимая камеру к лицу. Из-за очков Ричи всегда выглядит очень неловко с камерой, но фотографии у него получаются лучше, чем у Эдди. Так что Эдди задирает руки в воздух, и Ричи делает кадр, вытаскивает снимок, когда камера его, наконец, выплевывает, и прыгает на месте, пока он проявляется. Фото, очевидно, удастся, так что Ричи улыбается и засовывает его в задний карман.

Обратный путь уже сложнее, сползать назад неловко и неудобно. Эдди перекидывает обе ноги на одну сторону, неслабо ударяясь о ребра статуи, изогнутые так, словно под бронзой настоящие кости. Он находит точку опоры на лапе, упирается резиновым носком кед в подмышку льва и замирает, понимая, что застрял. Эдди иррационально страшно упасть. Он не видит землю, перед глазами одна бронза, и у себя в голове он снова наверху башни, где-то на уровне неба.

– Если спрыгнешь, я поймаю, – говорит Ричи откуда-то сзади.

– Что-то мне подсказывает, что ты дашь мне помереть, – Эдди крепче вцепляется в льва, одной рукой за ухо, другой – за спину.

Он наверняка выглядит абсурдно, распластавшись по статуе, как моллюск. Эдди почти уверен, что скоро прибежит охрана и выгонит их за дурацкое поведение. Надругательство над искусством.

– Тут всего метр, переходя дорогу, помереть и то проще, – говорит Ричи, и Эдди слышит улыбку в его голосе.

– Заткнись, Стэнли, – бормочет он.

– Вау, окей, беру свои слова обратно, ты умрешь на зеленом льве посреди Чикаго и будешь думать, ах, если бы я только послушал своего самого близкого человека, который всегда дает хорошие советы, и...

– Бев здесь нет.

– Ого, даже так, я...

– Отойди, просто, блядь, отойди, я сейчас спрыгну.

Ричи не отходит, но Эдди все равно спрыгивает. До земли действительно какой-то метр, ни с какой башни он не летит, и даже отдача от приземления практически не чувствуется. Эдди отворачивается от льва, смотрит на Ричи, который улыбается ему так, словно он совершил какой-то героический поступок. Волосы спадают ему на глаза, и из-за солнца позади кажется, словно они горят.

– Горжусь тобой, – говорит Ричи.

– Пойдем посмотрим на это ваше искусство, – говорит Эдди, отряхивая руки.

Они становятся в очередь и наконец получают свои билеты — плотные белые бумажки с черным и красным шрифтом, с пунктирным краешком, который отрывают на входе. Ричи пытается уболтать работника на студенческую скидку без удостоверения, но затея проваливается. Он забирает оба билета и складывает их в задний карман, в компанию к полароидному снимку. Ричи явно в отличном настроении, в таком, когда его тянет на прикосновения, он практически подпрыгивает на месте,

тянет Эдди за рукав, увлеченно рассказывает обо всем, что хочет увидеть. Ричи всегда был удивительно заинтересован в искусстве. Или, может, удивителен не сам факт, а то, насколько открыто он об этом говорит, не чувствуя необходимости набросить сверху дурацких шуток, как он делает в любой другой ситуации.

В любом случае, Ричи не выглядит, как ценитель искусства. Эдди представляет себе, что они должны одеваться во все черное, шелк и лен, и ходить с бокалом красного вина. Бархат, деревянный пол, все такое. Ричи практически никогда не носит черную одежду, по крайней мере, с шестнадцати, когда у них с Бев закончился сомнительный готический период. Они носили парные ошейники, начесывали волосы, красили ногти, и с одной стороны смотрелось круто, но с другой – совершенно ужасно, и Ричи официально сдался, когда Стэн нарядился в него на Хэллоуин, а Бев сдалась, потому что одной было не так весело.

Сейчас Ричи одевается как не слишком крутая версия Рики из «Моей так называемой жизни». Яркие принты, рваные джинсы, спортивная обувь, бомберы с вышивкой, но все это без тщательного сочетания по стилю, как на телевидении. Нет, Ричи почти всегда выглядит так, словно вывалился в куче одежды и надел, что прилипло. Словно одевался в темноте. Непарные носки, несочетаемые цвета, и поверх всего очки – черная оправка с вечно отклеивающимся скотчем, с мечтательным взглядом за стеклами. На него приятно смотреть, думает Эдди, даже в галерее, среди столько красивых вещей.

Музей просто огромный, с бесчисленными комнатами, с экспонатами, аккуратно выставленными напротив белоснежных стен. Слишком холодно, думает Эдди, кондиционер настроен слишком холодно, и воздух какой-то жесткий и стерильный. Немного напоминает отделение скорой помощи, ощущение ожидания. Словно настоящая цель находится за следующей дверью, но они никогда до нее не доберутся. Ну или добрались бы, если бы Ричи так не увлекался всем подряд. Он постоянно замечает что-то новое, что хочет рассмотреть, и бежит к экспонату, тащит Эдди за собой, сыплет случайными фактами о художниках и смысле работ. Эдди регулярно ловит осуждающие

взгляды других посетителей, которые считают, что в музеях нужно молчать, как в библиотеке. Библиотеке искусства. Может, и нужно, Эдди не знает, но комнаты большие, белые и неудобные, и Ричи влюбляется в каждую картину, которую видит на своем пути.

Они добираются до «Полуночников», и Ричи застывает с широко распахнутыми глазами, переминается с пятки на носок, трет ладонями бедра, как будто передает через руки энергию. Эдди наклоняет голову, смотрит на картину. Закусочная в синем и желтом свете смотрится вне времени и пространства. Эдди представляет там Ричи, как тот сидит вместе с остальными, его лицо, выполненное широкими мазками, с веснушками и тенью от очков, его жестикуляция. Он точно не выглядел бы таким застывшим, как другие люди на картине.

– Мы как в «Феррисе Бьюллере», – бормочет Эдди, и Ричи толкает его в плечо, драматично виснет на нем, изображая обморок.

– Не говори такого в лицо искусству, – фыркает он, Эдди смеется, и они идут дальше.

Они находят серию картин с несуразными штрихами пастелью вперемешку с ровными линиями и корявыми цифрами. Яркие цвета, беспорядочные линии в центре бежевого холста, в целом похоже на детские рисунки, вот только ни один ребенок не будет настолько последовательным в своих мыслях. Картины выглядят обманчиво просто, но в комбинации обретают какую-то идеальную хаотичность, на грани сна и реальности. Некоторые напоминают Эдди о чертежах, тех, которые рисует Бен, когда придумывает свои здания, но здесь больше цвета, больше эмоций. Эдди одергивает футболку, бросает взгляд на Ричи, который полностью поглощен картинами.

– Эдс, это Твомбли, – говорит он и снова пихает Эдди в плечо, отчего тот чуть не теряет равновесие. Видеть Ричи таким довольно странно, потому что несмотря на то, насколько громко и экспрессивно он отзывается о большинстве вещей, о том, что ему действительно дорого, он говорит редко. У него словно есть своеобразная дымовая завеса, которая проявляется в обкусанных

ногтях, пожеванных кончиках волос, постукивании по рулю, в выражении своих чувств жестами, а не словами, хотя и в словах его тоже есть своя маска.

– Прекрати меня толкать, Ричард, – беззлобно бормочет Эдди.

Ричи тянется к нему, кладет руку на его затылок, пододвигается ближе, пока его губы практически касаются щеки Эдди.

– Ты не понимаешь искусство, Эдвард, – говорит он.

– Я понимаю, что либо ты прекратишь меня толкать, либо я сожгу этот музей к чертям, – огрызается Эдди, отталкивая Ричи и потирая щеку рукой.

В следующей комнате им встречаются две картины, рядом друг с другом, и Ричи сразу направляется к ним, как будто его что-то притягивает. На одной – белая гора на фоне оранжево-розово неба, почти флуоресцентного в своей яркости. Четкие геометрические фигуры людей, ровные линии, крутой склон, светящийся крест, яркий за счет контрастных темных линий. Наверху холма такой же светящийся штырь. Эдди знает эту картину, по крайней мере, знает этот стиль, решительные фигуры, удивительно яркие и суровые. Он видел что-то такое или как принт на футболке, или как контур в неоновых огнях.

Вторая картина больше похожа на военный пропагандистский постер, с двумя солдатами на ядовито-желтом фоне с красными словами *USDA choice sirloin steak*. Вместо лиц у них зияющие дыры, внутри которых люди, растения и лодки, и мужчины с оружием. Эдди становится неудобно и беспокойно, а когда он наконец замечает название «*queer basher/Icarus falling*»*, ему кажется, что его стошнит. Вокруг еще больше начинает отдавать больницей.

Ричи рядом с ним выглядит на грани нервного срыва.

– Ох, – выдыхает он, одновременно шокировано и как-то глухо, – Это... – его рука замирает над шарнирной деталью в углу, в миллиметре от полотна, – это Дэвид Войнарович, он... – Ричи давится словами.

Эдди смотрит на него во все глаза, на то, как Ричи сводит плечи, словно готовится к драке, как он лихорадочно моргает за стеклами очков, словно пытается избавиться от навязчивой мысли. Ричи без слов. Ричи в поисках своей привычной маски.

– Неважно, – говорит он спустя какое-то время, – пойдем.

Ричи тянет Эдди за руку, проводит его под аркой, вытягивает в другую комнату. Вцепляется в руку Эдди, переплетает их пальцы, сжимает их мертвой хваткой, до белых костяшек, почти до боли.

Ричи останавливается у первой попавшейся картины, пристально на нее смотрит, словно пытаясь перебить прошлое впечатление. Смена обстановки, новый слой краски. Он не отпускает руку Эдди, и тот не возражает. Эдди поглаживает его руку большим пальцем, легонько сжимает, стараясь в полной мере показать свою поддержку. Вместо картин он рассматривает их переплетенные пальцы, как кровь приливает обратно к костяшкам Ричи, когда тот ослабляет свою хватку. Смотрит на его лицо, на то, как он закусывает сухую кожу на нижней губе, тянет ее зубами, как из ранки сочится кровь, собираясь в уголке рта. Свободной рукой Эдди шарит в кармане, находит пачку салфеток, которую всегда носит с собой.

– Эй, засранец, – мягко зовет он с салфеткой в руке, и в голове пробегают мысли, что мог бы сам вытереть кровь, но он быстро вспоминает, что они на людях, и что это не в их стиле – залечивать раны друг друга. Не в этом смысле. Эдди замирает, и Ричи недоуменно моргает, но тут же приходит в себя и улыбается, сразу становясь похожим на привычную версию себя. Он забирает салфетку, промакивает ранку, почти как Бев – свою помаду, складывает ее и убирает в карман.

Они обходят оставшиеся комнаты галереи, но Ричи ведет себя тише, чем обычно, как-то вяло и отвлеченно на контрасте с изначальным энтузиазмом. Он больше ничего не знает о художниках, или не помнит, или ему все равно. Тепло его руки сопровождает Эдди еще в паре коридоров, в комнате со скульптурами из проволоки и бумаги, но потом Ричи его отпускает.

Эдди, в свою очередь, замолкает и пытается сконцентрироваться. Он обнаруживает, что ему нравятся фотографии Синди Шерман, и причудливые пейзажи Джозефа Йоакума, как они словно движутся по бумаге. Эдди кажется, Биллу бы они тоже понравились, такие себе сны на холсте, и он покупает открытку в сувенирной лавке, пишет, о чем думает, как по нему скучает, как странно быть в большом городе без какой-либо привязанности к нему. Эдди хочется упомянуть и странную реакцию Ричи на картины, но у него не поднимается рука. Вместо этого он отдает Ричи открытку, чтобы тот дописал внизу что-то от себя, и они бросают ее в почтовый ящик на улице.

– Нам нужен отель, – говорит Эдди по дороге. Его голос звучит нервно и странно, но Ричи не отвечает, и Эдди продолжает. – Я имею в виду настоящий отель, с обслуживанием номером, джакузи, все такое. Только на сегодня. Можем заказать вафли и смотреть кабельное. Ты вообще помнишь телевизор? А то мне вот кажется, что его и не было никогда, так, массовая галлюцинация.

– Только если можно выбросить телек в окно, – наконец отвечает Ричи, пиная бордюр и активно жестикулируя. – Как Кит Мун.

– Это разве не про Лос Анджелес? Громить номера? Не думаю, что Чикаго... Город для кутежа, Рич, кто, блядь, вообще отсюда?

– Кутежа? Тебе восемьдесят пять? Хаулин Вульф из Чикаго, – Ричи закатывает глаза. – Патти Смит из Чикаго, Эдс, хотя ее музыка – чистый Нью-Йорк. Лиз Фэр тоже, у нее была одна песня, там была какая-то строчка, мол, он трахается как вулкан, тебя она еще выбесила.

– Это просто ужасная метафора. Как бы, что это вообще значит? Его член взрывается, заливают целые города грязью и пылью, погребает людей заживо, и их трупы застывают на века?

– Твой разве не так работает?

– Не, мой просто плюется лавой и огнем, и люди к нему не приближаются без зрителя, и только из научного интереса, – Ричи смеется, но Эдди все равно чувствует, будто балансирует на

границы, и если он перестанет говорить, то Ричи снова замолчит и уйдет в себя. Вообще им никогда не составляло труда найти тему для разговора, но у Эдди не очень с фантазией под давлением. – В любом случае, она же вроде феминистка, да? Не думаю, что она бы разгромила номер.

– Достань мне кокаин и стриптизерш, и мы сами обеспечим Чикаго репутацию.

– Могу достать тебе обезбол и ооочень медленно разуться.

– Это все, что мне нужно, Эдс.

По итогам они все-таки находят отель. Ничего вычурного, просто первый отель, который они находят в своем путеводителе по принципу, чтобы находился недалеко, вписывался в бюджет и разрешал поздний выезд. В нем есть и джакузи, и обслуживание номеров, и Ричи даже воодушевляется при виде отвратительных позолоченных кнопок в лифте, но вскоре снова замолкает и уныло плетется по коридору, погруженный в себя. Эдди кажется, что он похож на вывернутую наизнанку футболку, которая ждет, пока ее сложат.

Они заходят в номер, и Ричи сразу же забирается на одну из кроватей, вытягивается в струнку, кончиками пальцев касаясь потолка. Эдди беспомощно наблюдает за ним, за тем, как он постоянно облизывает ранку на губе, словно пытается убедиться, что она все еще там. Эдди категорически не знает, что делать. Он не то чтобы впервые видит, как Ричи грустит, злится или испытывает любые другие эмоции, но каждый раз теряется, и всегда просто смотрит, наблюдает.

– Я понимаю, что я красавчик, но перестань уже пялиться, – внезапно говорит Ричи, словно читая его мысли.

– Будешь вафли? – спрашивает Эдди и хватается телефон прежде, чем Ричи успевает ответить, набирает обслуживание номеров и заказывает вафли с мороженым. Ричи в это время прыгает на кровати, так и не опуская руки. Его ладони с глухим невнятным звуком впечатываются в потолок. Эдди думает, что так и кожу стесать можно, пытается вспомнить, есть ли у него подходящие

пластыри. Они должны быть большими, квадратными и хорошо держаться, иначе Ричи их быстро отдерет.

Эдди осознает, что из трубки идут гудки, и вешает ее, забирается на кровать к Ричи, и тот ничего не говорит, а только протягивает руку. Эдди берет его за руку, и они прыгают вместе, неловко и несинхронно. Пружины лихорадочно скрипят, и рука Ричи холодная, и он цепляется за Эдди, как утопающий.

— Эти картины, — наконец говорит он, в промежутках между прыжками. Эдди пытается кивнуть, но оказывается, в прыжке это непросто, и у него сводит шею. — Они оба умерли от СПИДа. В этом году кто-то развеял прах Войнаровича у Белого Дома*.

Эдди думает про кости, обтянутые тонкой, почти прозрачной кожей, западающие глаза. Думает про токсоплазмоз и смерть от кошачьего дерьма, как у того парня в книге «На игле», которую он прочитал с восхищенным ужасом в прошлом году. Эдди остался под таким впечатлением, что Билл и Майк устроили ему интервенцию и целые выходные, двое суток, крутили его любимые фильмы, чтоб его отвлечь.

Прыжки сходят на нет, и одеяло чувствуется каким-то холодным и мокрым под ногами. Ричи смотрит в потолок.

— Мне... Мне жаль, — выдавливает Эдди, чувствуя себя очень подураски, потому что он понятия не имеет, что нужно говорить в такие моменты.

— Да уж, — соглашается Ричи. — Полная жопа. Пойду в ванную.

Он освобождает свою руку, спрыгивает с кровати и исчезает в ванной. Минуту спустя раздается звук текущей воды, приглушенный из-за стены между ними. Эдди садится на кровать, отползает по ней, пока не упирается спиной в стену. Он вжимает большой палец в центр другой ладони. Наклоняется и подтягивает носки, пока оба не ложатся ровными желтыми полосками на его лодыжках. В горле как будто встает комок. Гипсокартон, краска или просто тошнота. Кран в ванной закрывается, и Эдди снова берет в руки телефон.

Бев отвечает после второго гудка, и ее голос звучит так знакомо, что у Эдди от облегчения слабеют коленки.

– Бев, – выдыхает он, – Бев, помнишь, как ты первая уехала, и я иногда звонил тебе после школы?

– Ага, чтобы понять про Ричи. Ты за этим звонишь?

– Я не ныл, я просто... И нет, Ричи в порядке, я... Я о том, как я звонил от Билла, потому что я хотел поговорить с мамой о... Обо мне... И ты знала, что ничем хорошим это не закончится, так что говорила со мной сама.

– Ох, – Бев замолкает на секунду. – Ты за этим звонишь?

– Нет, – Эдди теребит провод телефона, темно-зеленую спираль, которая прилипает к его коже. Это совсем не то, что стоять в грязной телефонной будке с угрозами и оскорблениями на стенах. И не то, что, смеясь, прижиматься к боку Ричи в будке на Сирс-тауэр. Он звонил Бев и признавался в своей ориентации, снова и снова, чтобы избавиться от непреодолимого желания рассказать все маме. – Нет, моя мама... Она точно от меня отказалась, она вообще со мной не разговаривает, но знаешь... Знаешь, что самое удивительное? Я просто... Я скучаю по тебе, Бев.

– Я по тебе тоже, дорогуша, – тянет она в своей традиционной манере. Традиционной с тех пор, как в четырнадцать она подсела на какой-то старый ситком с Евой Габор*, который казался смешным только ей и Ричи. Если Бен – солнце на рассвете, то Бев – закатное, более темный вид теплоты, и вместе они – целый солнечный день. – Ты в порядке? По голосу слышно, что нет.

– Нормально, – Эдди теребит в руке одеяло, уродливого темно-бронзового цвета. Закидывает ногу на ногу, скидывает обратно. – Не знаешь, куда можно отвести Ричи в Чикаго?

– О боже, на свидание?

– Нет, заткнись, просто... Мне кажется, ему грустно.

Бев задумчиво хмыкает, и Эдди слышит, как за тысячу

километров в Сан-Франциско ее шаги гулко отдаются по деревянному полу, как что-то стеклянное опускается на скамейку. Бев обычно заправляет волосы за ухо, когда думает, морщит нос, иногда постукивает по щеке указательным и средним пальцем. Может, ее привычки и изменились с тех пор, как Эдди видел ее в последний раз.

– Сходите на Голливудский пляж*, – говорит Бев через минуту. – Отлично для двух парней на свидании. Для поднятия настроения, думаю, тоже хорошо.

– Ладно, – говорит Эдди, игнорируя часть про свидание, потому что Бев не первый раз заводит эту волюнку. – Голливудский пляж.

– Ага. Уверен, что все хорошо, Эдди?

– Замечательно, – говорит он, глядя на закрытую дверь в ванную, протягивает руку к тумбочке, включает лампу и замирает, рассматривая, как просвечивают его кости. Раздается стук в дверь. – Я пойду, Бев, тут обслуживание номеров.

– Обслуживание? Ты теперь миллионер, Каспбрак?

– Заткнись, это всего лишь вафли, и только на одну ночь.

– Да все нормально, – смеется Бев, – я рада, что у вас обслуживание. Береги себя, хорошо, дорогуша? Не только Ричи.

– Ага, конечно.

– Передай ему то же самое.

– Спасибо, мам.

– Скажешь так еще раз, и я надеру тебе задницу, господи, из вас только Майк не совсем безнадежный случай.

– Люблю тебя, Бев, – смеется Эдди.

– Я тоже тебя люблю, малыш, иди, ешь свои вафли.

Еду приносят на подносе с крышкой, немного затертой, с вмятиной около одной из ручек, как будто ее выудили из какой-то барахолки. Станным образом эти недостатки как-то приободряют, и Эдди осторожно протирает крышку подолом футболки, прежде чем ее убрать. На свет показываются вафли с сиропом и ванильным мороженым.

Ричи не заставляет себя долго ждать, и он снова привычный Ричи, с мокрыми волосами и промокшей от них футболкой. Он теребит в руках очки, надевает их, несмотря на то, что они сразу запотевают. Ранка на губе – единственное доказательство, что что-то случилось. С Ричи так было всегда, он словно щелкает выключателем, и вся грусть, все напряжение в плечах, все молчание в сжатой челюсти, все это исчезает так же мгновенно, как появляется. Эдди, конечно, не дурак, и он осознает, что Ричи не то чтобы в порядке, но у каждого из них есть свои детские травмы, которые дают о себе знать, даже когда воспоминания исчезают. Стэну иногда снятся кошмары, до такой степени, что он не спит по несколько дней. К Биллу возвращается заикание, сильнее, чем обычно, и он обкусывает губы в попытке его остановить. Бев... Бев прибирается в ванной, отбивает костяшки, отстригает волосы. И дело не только в детских травмах, есть еще и картины, и незнакомый город, и отсутствие настоящего дома у них обоих, но Эдди знает Ричи достаточно хорошо, чтобы на него не давить.

Ричи ныряет в постель рядом с Эдди, сует палец в мисочку с тающим мороженым, слизывает его, довольно хмыкая.

– Ты свинья, – тихо произносит Эдди.

– Я прелесть, – говорит Ричи. – Давай смотреть «Реальный мир».

Notes for the Chapter:

некоторые из картин, которые ричи и эдди видят в галерее (ес-но не факт, что все они там были в 1996, когда происходит действие фанфика, но тсс):

[полуночники](#)

[твомбли](#)

кит харинг

* — та самая картина дэвида войнаровича, «queer basher/Icarus falling» (официального перевода мне не попало, но для понимания происходящего, скажем, "гомофоб-агрессор / падение икара")

синди шерман

джозеф йоакум

песня про вулкан, supernova. автор считает, что ричи обязан был когда-то исполнить ее для эдди, как серенаду, и я подписываюсь под этим хэджканоном.

* — в одной из своих работ, в 1991 году, войнарович писал *"каково было бы, если б каждый раз, когда любовник, друг или незнакомец умирал от этой болезни [спида], его друзья, любовники или соседи брали бы его мертвое тело и ехали бы с ним в машине на скорости 160 км/ч до самого вашингтона, сносили бы ворота белого дома, резко затормозив перед самым входом, и выбрасывали бы безжизненное тело на крыльцо"*. первый марш состоялся в 1992, группа активистов act up организовала марш к белого дома, где развеяли прах своих близких, которые умерли от СПИДА. в 1996 году состоялся второй, во время которого был развеян в тч и прах войнаровича. один из активистов, дэвид рэйд, говорил, "правительство игнорирует их похороны. если вы не придете на похороны, мы устроим эти похороны здесь". помимо упомянутой, у организации act up было множество других публичных акций, направленных на улучшение жизни людей, больных СПИДОМ, законодательных и политических изменений, медицинских исследований (вики). в целом, это небольшая матчасть для напоминания о том, что действие текста происходит в 1996, когда вопрос СПИДА стоял очень остро, особенно в контексте лгбт общества, и упомянутые картины на фоне этого

приобретают более мрачное впечатление.

* — ситком с евой габор — "зеленые просторы" (1965).

* — голливудский пляж, официально — пляж кэти остерман, названный так в честь политической деятельницы, которая активно лоббировала местное чикагское постановление о правах человека 1988, за что была включена к чикагский "лгбт зал славы", как сторонница. пляж негласно делится на северную и южную сторону, одна из которых считается семейной, благодаря небольшой глубине, второй отдает предпочтение лгбт общество. голливудским пляж называется из-за расположения возле одноименного бульвара.

переводчик просто очень любит матчасть, как говорится, дил виз ит ♥